

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 4 (77). С. 9–19.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2023. Vol. 4 (77). P. 9–19.

Научная статья

УДК 930.253

doi: 10.54398/1818510X_2023_4_9

**ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МУЖЧИНЫ ИЗ ВОЕННО-АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ
В ОТРАЖЕНИИ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XI–XIV ВВ.: КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Новиков Александр Сергеевич

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Россия

alessandro_novarres@mail.ru, kafmfistori@lengu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8999-4696>

Аннотация. В статье поднята проблема развития предлагаемого образа идеального мужчины из русской военно-аристократической среды XI–XIV вв. Военная аристократия в Средние века находилась под пристальным вниманием письменных источников, будучи своего рода отражением эпохи. Специфика русских летописей, помимо прочего, заключается в акцентированности на роли князей в происходящих событиях. Таким образом, анализ идеального образа русского князя позволит рассмотреть некоторые внутренние особенности мировоззрения средневекового человека. Констатируется, что в ходе своего развития идеальный мужской военно-аристократический образ трансформируется из состояния, живущего войной и тесно связанного с дружиной правителя-воина, в благородного и благочестивого мужчину, а связь с дружиной заменяется связью с церковью и духовенством. Акцент на физической силе мужчины остаётся как факт, но также изменяется от простой констатации к большему вниманию к эстетическим и физиометрическим показателям. Кроме того, на любом этапе своего развития идеальный мужской образ является практически универсальным, выходя за географические границы Руси и находя аналогии в иностранных свидетельствах: на раннем этапе в основном на территории Скандинавии и на Востоке, а на позднем – в странах католической Европы.

Ключевые слова: Высокое Средневековье, Средневековая Русь, княжества Руси, летописи, гендерная история, мужчины, идеальный образ, маскулинность, военная аристократия, куртуазность

Для цитирования: Новиков А. С. Идеальный образ мужчины из военно-аристократической среды в отражении русских летописей XI–XIV вв.: ключевые особенности и межрегиональные тенденции // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 4 (77). С. 9–19. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_4_9.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**THE IDEAL MALE IMAGE IN MILITARY-ARISTOCRATIC ENVIRONMENT
IN THE REFLECTION OF THE RUS' 11th–14th CENTURIES CHRONICLES:
KEY FEATURES AND INTERREGIONAL TENDENCIES**

Alexander S. Novikov

Leningrad State University named after A. S. Pushkin, St. Petersburg, Russia

alessandro_novarres@mail.ru, kafmfistori@lengu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8999-4696>

Abstract. The article raises the problem of the origin and development of the image of the ideal man from the military-aristocratic environment, proposed by the Russian chronicles of the 11th–14th centuries and presented mainly by the dukes. The military aristocracy in the Middle Ages is under the scrutiny of written sources and is a kind of reflection of the era, so the analysis of the ideal image of the Rus' duke will allow us to consider some of the internal features of the worldview of a medieval person. It is stated that in the course of its development, the ideal male military-aristocratic image is transformed from the state of a warrior-ruler living in war and closely connected with the retinue into a noble and pious man, and the connection with the retinue is replaced by a connection with the church and the clergy. The emphasis on a man's physical strength remains as a fact, but also changes from a simple statement to a greater emphasis on aesthetic and physiometric indicators. In addition, at any stage of its development, the ideal male image is universal, going beyond the geographical boundaries of Rus' and finding analogies in foreign testimonies: at an early stage, mainly in Scandinavia and the East, and at a later stage, in the countries of Catholic Europe.

Keywords: High Medieval, Medieval Rus', Rus' principalities, chronicles, gender history, men, ideal image, masculinity, military aristocracy, courtliness

For citation: Novikov A. S. The ideal male image in military-aristocratic environment in the reflection of the Rus' 11th–14th centuries chronicles: key features and interregional tendencies. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 4 (77), pp. 9–19. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_4_9.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Идеальный образ благороднорожденного мужчины на территории Средневековой Руси является крайне малоизученной в исторической науке проблемой. Тем не менее в российском научном историческом сообществе иные вопросы, связанные с различными аспектами жизни военной аристократии, поднимаются ещё с XVIII–XIX вв. Мы можем выделить три этапа в развитии взглядов исследователей на военную аристократию Руси: 1) дореволюционный; 2) советский; 3) современный.

На дореволюционном этапе в силу широты исследований историография не касалась проблематики идеального образа мужчины из среды военной аристократии средневековой Руси, однако обращала внимание на некоторые смежные вопросы. В частности, Н. М. Карамзин в своих исследованиях предлагал очерки развития средневековых русских княжеств [9]. Немаловажен вклад К. Н. Бестужева-Рюмина и Д. И. Иловайского, которые в своих трудах, посвящённых российской истории, уделяют внимание в том числе и вопросам взаимодействия княжеств Руси с многочисленными соседями – кочевниками Великой степи, крестоносцами, Византией, а также Литвой, Польшей, Венгрией и Скандинавией [5; 8].

Советский этап продемонстрировал определённые изменения в историографии. Труды историков сужаются хронологически, оценки приобретают марксистский характер. Работы Б. Д. Грекова, В. Т. Пашуто и И. П. Шаскольского сохранили акцент на взаимодействии русских княжеств с соседями, хотя и привнесли в трактовки элементы международной геополитической борьбы [6; 7; 17; 26–29]. Вместе с этим в трудах В. В. Мавродина и Б. А. Романова активно прорабатывалась проблема социальной истории Средневековой Руси, освещённая в контексте классовой борьбы [14; 22]. На исходе советского периода произошёл прорыв в исследованиях социальной истории, отражённый в трудах Ю. Л. Бессмертного, который впервые обратил внимание на различные аспекты средневековой демографии, повседневности и гендерных отношений средневекового Запада [1–4].

Современный этап в историографии ознаменован увеличением интереса к нашей проблематике. Здесь нельзя не отметить вклад Н. Л. Пушкаревой – основательницы гендерного направления в отечественной исторической науке, всесторонне исследовавшей различные вопросы женской истории русского Средневековья, однако нечасто

обращавшейся к «мужской» проблематике [18–21]. Идеальный образ благороднорожденного мужчины уже затрагивался нами ранее в работе, анализирующей образы древнерусских мужчин-аристократов до XI в. [15].

Констатируем, что историография в рамках поднятой проблематики, с одной стороны, имеет некоторую степень проработки, с другой – демонстрирует пробелы, нуждающиеся в заполнении. Таким образом, целью статьи является определение ключевых аспектов образа мужчины из военно-аристократической среды XI–XIV вв., нашедших отражение в русских летописях упомянутого периода, рассмотрение эволюции этого образа по отношению к более ранним временам, а также выяснение того факта, является ли таковой образ и набор характерных для него аспектов и атрибутов автохтонным или универсальным в рамках общеевропейских тенденций.

Источниковая база исследования представлена русскими летописями XI–XIV вв., а также хронологически синхронными сагами и хрониками Скандинавии и Западной Европы. В контексте исследования безусловно ценны такие летописи, как «Повесть временных лет» по «Ипатьевскому списку» [12] и Киевский летописный свод [10]. В них содержатся «положительные» и «отрицательные», прижизненные и посмертные описания представителей военной аристократии Средневековой Руси. Безусловно, анализируя содержание летописей, стоит понимать их конъюнктурность, что, впрочем, в контексте проблематики данной статьи является достоинством в большей степени, нежели недостатком. Источники скандинавского и западноевропейского происхождения представлены исландской сагой об Олаве Тихом [23], англонормандской «*Historia Novorum in Anglia*» [31] и франкской «*Vita Ludovici*» [24]. Эти тексты позволяют провести параллель между образами благороднорожденных мужчин Руси XI–XIV вв. и образами их «коллег из-за рубежа».

Дабы применить указанную выше источниковую базу к данному исследованию, необходимо определить методологическую базу и очертить географические рамки. Методология исследования идеальных образов благороднорожденных мужчин русского Средневековья уже освещалась нами ранее, и проекция на предложенную статью уместна в следующем изложении: 1) текстологический метод работы с летописями А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, подразумевающий поэтапный анализ летописного источника; 2) метод критического анализа источника; 3) методология, предлагаемая теорией культурного трансфера М. Эспаня, подразумевающая рассмотрение механизмов культурного взаимовлияния и позволяющая выяснить автохтонность или универсальность идеальных мужских образов; 4) гендерный подход, в данном случае предлагающий анализ стереотипно-идеализированных воззрений современников на благороднорожденного мужчину и мужской гендерной репрезентации в её идеальном виде [15, с. 125]. География же исследования очерчена границами удельных княжеств Руси, образовавшихся после распада единого русского государства и граничащих северо-запада со Скандинавией, с запада – с Польским и Венгерским королевствами, с юга – с Византийской империей, с юго-востока и востока – с кочевыми племенами Великой степи и с северо-востока – с многочисленными финно-угорскими племенами.

Основная часть

Летописи изобилуют описаниями различных русских князей, из которых представляется возможным составить предполагаемый образ «идеального» благороднорожденного мужчины из того или иного княжества Руси XI–XIV вв. и даже отследить некоторую эволюцию этого образа. В летописных источниках русские князья и иные представители военной аристократии описываются в двух ситуациях – прижизненно, когда основной акцент ставится на воинской удали и физиометрических показателях, и посмертно (в формате некоторого подобия некролога), когда подробнейшим образом освещается высокоморальность и благочестие покойного князя.

Аспекты образа: трансформация воинственности и элементы куртуазности

Немаловажно рассмотреть некую «отправную точку» в формировании образа идеального мужчины благородного происхождения. Как становится явным из более

ранних наших исследований, такой образ к началу XI в. складывался из определённого набора характеристик, свойственных в значительной степени архетипу воителя, наделённого сверхъестественными способностями, и транспонировался на вполне реальных людей. Древнерусский знатный мужчина существует исключительно в связи с военным делом, а потому красной нитью через любое его описание проходят связь с дружиной в любых её вариациях, исключительная личная храбрость, усугубленная состоянием постоянной войны с кем-либо. Этот образ далёк от автохтонности – аналогичные представления о знатном мужчине мы видим и в скандинавских сагах, и в англосаксонском эпосе, что невольно подталкивает нас к мысли о едином культурно-политическом пространстве Раннего Средневековья, которое можно назвать «скандинавским миром» [15, с. 129].

Чтобы разобраться с тем, как идеальный образ благороднорожденного мужчины развивался в дальнейшем, предлагается обратиться к описаниям более позднего времени. «Ипатьевский список» предлагает образ, сходный с князем Святославом Игоревичем, но описывает князя, жившего сравнительно позже, в XII в., – Мстислава Великого, сына Владимира Мономаха: «...бе же Мъстиславъ дебелъ теломъ, чермьномъ лицемъ, великома очима, храбръ на рати и млствъ, и любяше дружину по велику, а имение не щадяще, ни питья ни ядения не браняше» [12, с. 96]. Здесь мы наблюдаем некоторую трансформацию образа: князь сохраняет положительную оценку скромности в быту и храбрости, а также крепкой связи с дружиной, однако добавляется и нечто новое – летописец дополнительно подчёркивает хорошее телосложение (и в целом внешний вид) Мстислава, а также выделяет в образе князя новый атрибут – щедрость. Подтверждает трансформацию и описание Андрея Боголюбского в Киевском летописном своде: «...спсе люди свое рукою крепкою, мышцею высокою, рукою блгочивою црскою правдиваго блговернаго князя Андреа» [10, с. 380]. Такого рода описание в значительной степени видоизменяет образ мужчины благородного происхождения – акценты смещаются с непосредственной воинственности и постоянного ведения войн на её опосредованное проявление в виде физической силы и эстетических показателей, а также добавляются и абсолютно новые качественные характеристики – щедрость и благородство. Всё это может свидетельствовать о проникновении на Русь сопутствующих зарождающейся куртуазности атрибутов западноевропейского рыцаря. Подобная трансформация прослеживается также и в государствах католического Запада [16, с. 200].

Стоит отметить, что, определяя того или иного рыцаря как носителя куртуазной добродетели, западные источники также обращают внимание и на его физиологию. Так, аббат Сугерий в своей «Vita Ludovici» даёт французскому королю Людовику VI Толстому следующую характеристику: «...славнейший и знаменитый король Франции Людовик, великолепного короля Филиппа сын, будучи в возрасте первого цвета – приблизительно ещё 12 или 13 лет, – красивый и хорошо сложенный, как в нравственном достойном почтении обучении, так и в высоком росте ладного тела [многое] обещал он» [24, с. 47]. Весьма положительно Сугерий оценивает и другого монарха – короля Англии Генриха I Боклерка: «...муж благоразумнейший Генрих, которого душа и тело, доблесть и знания замечательные представляют способности, как восхищения, так и поклонения достойные» [24, с. 48]. В свою очередь, Жорж Дюби цитирует «Песнь о Уильяме Маршалле», прославленном рыцаре и победителе турниров, жившем на рубеже XII–XIII вв. Автор «Песни», называющий себя Жаном Трувзром, описывает сира Уильяма как «хорошо сложенного, с прямой осанкой и прекрасными руками, крепкого телосложения, с каштановыми волосами», добавляя также, что его «enfourchure*» была очень большой [30, с. 28]. Таким образом отмечаем, что западноевропейский мужчина благородного происхождения сменяет воинственность Раннего Средневековья как мерило своей мужественности на иные характеристики – физиометрические показатели и рыцарские добродетели.

* «Промежность» – перевод автора.

Скандинавские источники с XI–XII вв. также уделяют больше внимания внешним описаниям конунгов, не забывая также оценивать черты характера и особенности их деятельности. Снорри Стурлусон в «Круге земном» цитирует Сагу об Олаве Тихом и даёт королю Норвегии такую характеристику: «Олав был мужем рослым и статным. Все говорят, что не было мужа более красивого или видного, чем он. У него были золотистые и красивые, как шёлк, волосы, пышущее здоровьем тело, очень красивые глаза и соразмерное сложение. Он был обычно немногословен и не любил говорить на тингах. Но он был не прочь попить и за пивом был разговорчив и приветлив. В продолжение всего своего правления он был миролюбив. Стейн сын Хердис говорит о нём так: вождь великодушный мир на землю, – все мы сим довольны – славный войнолюб, доставил. И на благо слугам княжым, их склоняет к миру враг англоу. Рьян под солнцем Олав» [23, с. 464].

Мы видим, что, равно как и на Руси, из описаний скандинавских конунгов исчезает постоянное ведение войн как показатель мужественности, что замещается вниманием к физическим параметрам и этическим качествам куртуазного характера.

В контексте предлагаемого исследования важны и контрпримеры – образы представителей военной аристократии, не соответствующие новому видению «идеального мужчины». В Киевском летописном своде можно увидеть характеристику князя Владимира Ярославича, правивший в Галицкой земле в последней четверти XII в.: «Князю Володимероу в Галичкои земли и бе бо любезнивь питию многому, и доумы не любяшеть с мужми своими, и поя оу попа женоу и постави себе женоу» [10, с. 452]. Пристрастие к алкоголю, преступления против духовенства и несоответствие образу «идеального мужчины» становятся причиной осуждения князя Владимира автором летописного свода. Подобные характеристики встречаются и за рубежом: аббат Сугерий упоминает, что «...Вильгельм, король Англии, опытный в военном ремесле, жадный славы и ищущий почестей» [24, с. 47], «...проявил себя бедных нетерпеливым притеснителем, церковей жестоким обирателем и, если епископы или прелаты умирали, то непочтительным захватчиком и разрушителем» [24, с. 48]. Ему вторит и английский хронист, монах-бенедиктинец Эдмер Кентерберрийский, указывая, что Вильгельм, «...как и иные несправедливые в Англии, Шотландии и Ирландии <...> оскверняют святыни и наживаются на церковном имуществе» [31, с. 26]. Моральная распущенность и противостояние церкви как основному мировоззренческому регулятору – вот основные черты, выделяемые авторами источников для противопоставления образам благородных и благочестивых «идеальным мужчинам-аристократов» XI–XIV вв. Неизвестно, имеем ли мы дело с целенаправленным очернением в политических или иных целях, однако весьма чётко обозначается то, какими атрибутами благороднорожденный «идеальный мужчина» обладать не должен.

Таким образом, становится очевидным, что видоизменение идеального образа мужчины благородного происхождения от раннесредневековой воинственности к высокосредневековому благородству и вниманию к физиометрии является универсальным явлением для всей Европы. Зародившаяся в Южной Франции в конце XI в. куртуазная система ценностей распространяется не только на королевства католического мира (включая достаточно медленно христианизирующуюся Скандинавию), но и на русские княжества, находящиеся от Французского королевства далеко на востоке. Такое изменение системы ценностей, происходящее вне зависимости от конфессиональных, культурных и языковых различий, позволяет нам допустить версию о существовании в средневековом мире военно-аристократической корпорации, что, впрочем, является поводом для отдельного исследования.

Аспекты образа: христианская добродетель и связь с церковью

Определённый интерес представляет тот факт, что летописи Средневековой Руси рассматривают представителей военной аристократии не только прижизненно. Это даёт нам возможность отследить образ идеального князя в «некрологах», встречающихся в летописях параллельно со свидетельствами о смерти того или иного князя. Так, «Ипатьевский список» «Повести временных лет» приводит следующий фрагмент,

связанный со смертью князя Всеволода Ярославича в 1093 г.: «...преставися князь Всеволодь, снъ Ярославль, внукъ Володимеръ <...> сии блговернии кнзь Всеволодь бе измлада любя правду, и набдя оубогие, и воздае чсть епспмъ и прозвутеромъ, излиха же любляше чернорисце, и подаваше требованье имъ, бе же и самъ оуздержася у пьянства и похоте, темъ любимъ бе оцмъ своимъ» [12, с. 144]. Мы видим в описании покойного князя характеристики, отличные от описаний живых князей, – внимание к церкви и христианские добродетели.

В Киевском летописном своде о смерти Владимира Мономаха в 1126 г. указано следующее: «...преставися блговернии и блгороднии кнзь, хсолубивый великий кнзь всея Руси Володимеръ Мономахъ <...> наипаче же бе страшень поганымъ, братолюбецъ и нищелюбецъ, и добрый страдалецъ за Рускую землю» [10, с. 201], снова подчёркивая христианское благочестие покойного князя. Подобным образом был рассмотрен в 1180 г. «некролог» Романа Ростиславича Смоленского, хотя и с указанием уже привычных для живых князей физиометрических характеристик: «...сии же блговернии кнзь Романъ бе возрастомъ высокъ, плечима великъ, лицемъ красень, и всею добродетелью оукрашень, смиренъ, кротокъ, незлобивъ, правдивъ, любовь имеяше ко всимъ и к братьи своей истенноюю нелицемерною, страха Бжия наполненъ, нищая милоуя, манастире набдя, и созда црквь каменую стго Иоана, и оукрасивъ ю всякимъ строеньемъ црквнымъ, и иконы златомъ и хиниптомъ оукрашены» [10, с. 423–424]. В российской историографии существует мнение, что подобные «летописные некрологи» связаны с нереализованными попытками канонизации [25; 11], однако в контексте данного исследования важно иное. Мы видим, что летописи дают покойным князьям совершенно иные, нежели живым, характеристики – христианские добродетели, тесные дружеские отношения с духовенством, строительство церквей.

Скандинавские источники предлагают иной формат повествования, однако сохраняют набор характеристик. «Сага об Олаве Тихом», дабы подчеркнуть близкие отношения конунга с церковью, приводит следующий эпизод: «...Олав конунг велел построить в Нидаросе каменную церковь на том месте, где было сперва погребено тело Олава Святого. Там, где была могила конунга, был поставлен алтарь, и была освящена Церковь Христа. Туда перенесли раку с мощами Олава конунга и поставили на алтарь. Вскоре там произошло много чудес. На следующее лето, в тот самый день, когда была освящена церковь, в ней собралось много народу. В вечер накануне дня святого Олава прозрел один слепец. В день самого праздника, когда раку с мощами вынесли и поставили на церковном дворе, как это было в обычае, обрёл речь один человек, который до этого был немой, и воспел славу богу и святому Олаву конунгу, свободно двигая языком. Третье чудо произошло с одной женщиной. Она пришла туда с востока из Швеции, и в пути очень бедствовала из-за своей слепоты. Однако она полагалась на милость бога и поспела к этому празднику. Её ввели слепую в церковь днём во время мессы, и ещё прежде, чем служба кончилась, она видела обоими глазами и видела зорко, и её глаза блеснули. А до этого она была слепой четырнадцать лет. Она ушла оттуда, ликуя» [23, с. 466].

Особое христианское благочестие отмечает аббат Сугерий, описывая подробности кончины короля франков Людовика VI: «...Там, на глазах у всех, как клириков, так и светских, от короля отрешившись, королевскую власть [он] сложил с себя, признал, что во грехе королевством управлял, сына своего Людовика кольцом инвестировал; Церковь Божью, бедных и сирот опекать, каждого в праве его охранять, никого в курии своей не брать в плен, если непосредственно там же не провинился, клятвой исполнить обязал. Ещё там золото и серебро, сосуды желанные, и плащи, и покровы на тюфяки, и многое движимое [имущество], которым владел и которое ему служило, церкви и бедным, и нуждающимся раздав, и ни верхнего платья, ни королевских одежд вплоть до камизия не пожалел. Часовню же свою драгоценную, Библию драгоценнейшую, золотом и камнями [украшенную], курильницу золотую в сорок унций [весом], канделябры в 160 унций золота, потир самый дорогой из золота и драгоценных камней, десять драгоценных плащей с капюшонами, драгоценнейший гиацинт бабки,

русского царя дочери, который из своих рук в наши отдавая, предназначил в терновый венец Господа нашего поместить; святым Мученикам через нас [он] назначил и каким-либо образом последовать, если сможет, благочестиво и торжественно пообещал» [24, с. 155–156]; «...Людовик совсем изнемог, когда в Париже повторной дизентерии поносом тяжко мучился. Он, ею порой застигаемый врасплох, призвав достопочтенного епископа Парижского Этьена и аббата [монастыря] Сен-Виктор Гилдуина, которых более близкими [себе] считал, так как монастырь ему от основания построил, и исповедь повторил, и уход свой причастием Телом Господним снабдить благочестиво побеспокоился. И тогда себя перенести в церковь святых Мучеников [он] повелел, чтобы обет, который часто давал, смиренно исполнить, тяготами недуга упреждённый, [то], что на деле не смог, сердцем, душой и волей исполнил. Потом, предчувствуя, покрывало на земле [расстелить] и пепел на покрывало в форме креста насыпать [повелел]; на него же руками своих [людей] возложенный, знаком святого креста силу свою снабдивший, после тридцати лет правления, в возрасте все же шестидесяти лет, в августовские календы, [он] испустил дух» [24, с. 159]. Сходного с «некрологами» Руси описания Сугерий не приводит, однако акцентирует внимание на христианское благочестие и щедрость покойного короля, дружбу с духовенством и строительство культовых сооружений.

Мы видим, что сама практика написания «некрологов» в русских летописях XI–XIV вв. является уникальной и автохтонной, однако предлагаемые образы князей коррелируют с аналогичными описаниями зарубежных представителей военной аристократии, дополняя куртуазно-рыцарские характеристики «идеального мужчины» благородного происхождения акцентированной связью с христианством и церковью.

Выводы

В итоге мы приходим к выводу о том, что на территории княжеств Руси XI–XIV вв. существовал и активно развивался идеальный образ представителя военной аристократии. Проистекающий из архетипа сверхъестественного воина, восплаемого в эпических сказаниях, образ раннесредневекового князя-воина, живущего войной и имеющего тесные связи со своей дружиной, с XI в. изменяется буквально до неузнаваемости.

Идеальный образ мужчины из военно-аристократической среды, извлекаемый как из прижизненных описаний князей, так и летописных «некрологов», содержит ряд конкретно обозначенных атрибутов. Храбрость в бою остаётся по-прежнему актуальной, однако дополняется и иногда даже вытесняется иными проявлениями мужественности – весьма значительное внимание в источниках XI–XIV вв. уделяется физической силе и красоте (вплоть до описания определённых физиометрических показателей). Набор характеристик расширяется за счёт морально-этических – щедрость, сочувствие к страждущим и христианское благочестие прочно проникает в каждый образ «идеального мужчины», предлагаемый летописями. Кроме того, внимание акцентируется на дружеских отношениях с церковью как ключевым мировоззренческим регулятором Высокого Средневековья – строительство церквей и монастырей, а также тесные отношения с духовенством прослеживаются в каждом таком образе.

Рассмотрение контекстных зарубежных источников демонстрирует нам универсальность существующих на Руси идеальных мужских образов, их вовлечённость в межрегиональные тенденции. На изначальном этапе формирования характеристики «идеального мужчины» мы наблюдаем сходные образы как в культурно и географически близкой Скандинавии, так и на территории стран католической Европы, и даже в Иране. В ходе дальнейшего развития образа мужчины из военно-аристократической среды обнаружили аналоги, отслеживающиеся в западноевропейских и скандинавских источниках – описания благородных и благочестивых князей Руси фактически дублируются свидетельствами о рыцарях, королях и конунгах, снабжённых всё теми же характеристиками. Такого рода сходство обусловлено широким распространением на территории Европы (в географическом смысле) идеологии куртуазности с определёнными характеристиками для неё атрибутами.

Итак, констатируем, что идеальный образ мужчины из военно-аристократической среды княжеств Руси XI–XIV вв., отходя от архаичной воинственной атрибутики, трансформируется в универсальный общеевропейский типаж куртуазного воина Высокого Средневековья.

Список литературы

1. Бессмертный, Ю. Л. Феодалная деревня и рынок в Западной Европе XII–XIII вв. / Ю. Л. Бессмертный. – Москва : Наука, 1969. – 372 с.
2. Бессмертный, Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции / Ю. Л. Бессмертный. – Москва : Наука, 1991. – 240 с.
3. Бессмертный, Ю. Л. «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV–XV вв. / Ю. Л. Бессмертный. – Москва : Наука, 1991. – 319 с.
4. Бессмертный, Ю. Л. Рыцарское счастье – рыцарское несчастье: Западная Европа, XII–XIII вв. / Ю. Л. Бессмертный // В своём кругу. Индивид и группа на Западе и Востоке Европы до начала нового времени / под ред. М. А. Бойцова и О. Г. Эксле. – Москва : Ин-т всеобщ. истории РАН Москва, 2003. – С. 51–87.
5. Бестужев-Рюмин, К. Н. Русская история / К. Н. Бестужев-Рюмин. – Санкт-Петербург : Д. Е. Кожанчиков, 1872. – Т. 1. – 480 с.
6. Греков, Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства / Б. Д. Греков. – Москва, Ленинград : Академия наук СССР, 1942. – 67 с.
7. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков. – Москва, Ленинград : Академия наук СССР, 1944. – 347 с.
8. Иловайский, Д. И. История России : в 5 т. Часть вторая. Владимирский период / Д. И. Иловайский. – Москва : Типография Н. Лебедева, 1880. – 578 с.
9. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – Москва : Эскмо, 2021. – 1024 с.
10. Киевский летописный свод // Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. – Санкт-Петербург : Тип. М. А. Александрова, 1908. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – Изд. 2-е. – С. 198–489.
11. Кусков, В. В. Древнерусские княжеские жития / В. В. Кусков. – Москва : Кругъ, 2001. – 397 с.
12. Летопись по Ипатьевскому списку // Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. – Санкт-Петербург : Тип. М. А. Александрова, 1908. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – Изд. 2-е. – С. 2–198.
13. Лурье, Я. С. Летопись Лаврентьевская / Я. С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси : [в 4 вып.] / отв. ред. Д. С. Лихачёв [и др.]. – Ленинград : Наука, 1989. – С. 241–245.
14. Мавродин, В. В. Образование древнерусского государства / В. В. Мавродин. – Ленинград : Ленинградский ун-т, 1945. – 429 с.
15. Новиков, А. С. Образ мужчины из военно-аристократической среды в отражении летописей Древней Руси (до XI в.): особенности, параллели, аналогии / А. С. Новиков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2023. – № 1 (65). – С. 124–130. – doi: 10.26456/vthistory/2023.1.124-130.
16. Новиков, А. С. От воина-варвара к рыцарю и феодалу – трансформация гендерной модели мужчины-аристократа в Английском королевстве в XI–XIII вв. / А. С. Новиков // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность / отв. ред. В. А. Верemenko. – Санкт-Петербург : Ленинградский гос. ун-т имени А. С. Пушкина, 2021. – Т. 1. – С. 195–200.
17. Пашуто, В. Т. Русско-польские взаимоотношения (с середины XI в. до монгольского нашествия) в связи с политикой Германской империи / В. Т. Пашуто // Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. – Москва : Наука, 1968. – С. 15–27.
18. Пушкарёва, Н. Л. Женщины Древней Руси / Н. Л. Пушкарёва. – Москва : Мысль, 1989. – 286 с.
19. Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница / Н. Л. Пушкарёва. – Москва : Ладомир, 1997. – 282 с.

20. Пушкарёва, Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница / Н. Л. Пушкарёва. – Москва : Ломоносовъ, 2022. – 216 с.
21. Пушкарёва, Н. Л. Женщины Древней Руси и Московского царства X–XVII вв. / Н. Л. Пушкарёва. – Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2017. – 448 с.
22. Романов, Б. А. Люди и нравы Древней Руси / Б. А. Романов. – Москва : Ломоносовъ, 2013. – 224 с.
23. Снорри Стурлусон. Сага об Олаве Тихом / отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский // Круг Земной = Heimskringla. – Москва : Наука, 1980. – С. 464–467.
24. Сугерий, аббат Сен-Дени. Жизнь Людовика VI Толстого, короля Франции (1108–1137) / пер. Т. Ю. Стукалова. – Москва : Старая Басманная, Plusquamperfectum, 2006. – 320 с.
25. Турилов, А. А. Образ правителя в летописных «некрологах» XI–XIII вв. / А. А. Турилов // Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б. Н. Флори. – Москва : Индрик, 2008. – С. 195–209.
26. Шаскольский, И. П. Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой / И. П. Шаскольский // Военно-исторический журнал. – 1940. – № 7. – С. 90–95.
27. Шаскольский, И. П. Емь и Новгород в XI–XIII вв. / И. П. Шаскольский // Учёные записки ЛГУ. Серия исторических наук. – 1941. – № 80, вып. 10. – С. 93–115.
28. Шаскольский, И. П. Сигтунский поход 1187 г. / И. П. Шаскольский // Исторические записки. – 1949. – № 29. – С. 13–163.
29. Шаскольский, И. П. Папская курия – главный организатор крестоносной агрессии 1240–1242 гг. против Руси / И. П. Шаскольский // Исторические записки. – 1951. – № 37. – С. 169–188.
30. Duby, G. William Marshal: The Flower of Chivalry / G. Duby. – New York : Pantheon Books, 1985. – 153 p.
31. Eadmeri Historia Novorum in Anglia, et opuscula duo de vita Sancti Anselmi et quibusdam miraculis ejus / ed. M. Rule. – London : LONGMAN & Co, 1884. – 454 p.

References

1. Bessmertnyy, Yu. L. *Feodalnaya derevnya i rynek v Zapadnoy Evrope XII–XIII vv.* [Feudal village and market in Western Europe in 12th–13th centuries]. Moscow: Nauka; 1969, 372 p.
2. Bessmertnyy, Yu. L. *Zhizn i smert v srednie veka: Ocherki demograficheskoy istorii Frantsii* [Life and Death in the Middle Ages: Essays on the Demographic History of France]. Moscow: Nauka; 1991, 240 p.
3. Bessmertnyy, Yu. L. *“Pyatnadtsat radostey braka” i drugie sochineniya frantsuzskikh avtorov XIV–XV vv.* [“The Fifteen Joys of Marriage” and other works of French authors of the 14th–15th centuries]. Moscow: Nauka; 1991, 319 p.
4. Bessmertnyy, Yu. L. Rytsarskoe schaste – rytsarskoe neschaste: Zapadnaya Evropa, XII–XIII vv. [Knights' happiness – knights' misfortune: Western Europe, 12th–13th centuries]. *V svoem krugu. Individi i gruppy na Zapade i Vostoke Evropy do nachala novogo vremeni* [In several circle. Individual and the group in the West and East of Europe before the beginning of the Modern epoch]. Moscow: Institute of World History of the RAS; 2003, pp. 51–87.
5. Bestuzhev-Ryumin, K. N. *Russkaya istoriya* [Russian history.]. St. Petersburg: D. Ye. Kozhanchikov; 1872, vol. 1, 480 p.
6. Grekov, B. D. *Borba Rusi za sozdanie svoego gosudarstva* [The struggle of Rus' for the creation of its own state]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1942, 67 p.
7. Grekov, B. D. *Kievskaya Rus* [Kievan Rus']. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1944, 347 p.
8. Ilovayskiy, D. I. *Istoriya Rossii: v 5 tomakh* [History of Russia: in 5 vol.]. Moscow: N. Lebedev's typography; 1880, part 2, 578 p.
9. Karamzin, N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian state]. Moscow: Eskmo; 2021, 1024 p.
10. *Kievskiy letopisnyy svod* [Kyiv Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey Izdannoe po Vysochayshemu poveleniyu Imperatorskoyu Arheograficheskoyu Komissieyu* [The Complete Collection of Russian Chronicles Published by the Highest Command of the Imperial Archaeographic Commission]. St. Petersburg: M. A. Alexandrov's Tipografy; 1908, vol. 2, ed. 2nd, pp. 198–489.
11. Kuskov, V. V. *Drevnerusskie knyazheskie zhitiya* [Ancient Rus' dukes' vitae]. Moscow: Krug; 2001, 397 p.
12. *Letopis po Ipatievskomu spisku* [Chronicle according to the Ipatiev list]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey Izdannoe po Vysochayshemu poveleniyu Imperatorskoyu Arheograficheskoyu*

Komissieyu [The Complete Collection of Russian Chronicles Published by the Highest Command of the Imperial Archaeographic Commission]. St. Petersburg: M. A. Alexandrov's Tipografiya; 1908, vol. 2, ed. 2nd, pp. 2–198.

13. Lure, Ya. S. Letopis Lavrentevskaya [Laurentian Chronicle]. *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi: (v 4 vyp.)* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus': (in 4 vol.)]. Moscow, Leningrad: Nauka; 1989, pp. 241–245.

14. Mavrodin, V. V. *Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva* [Formation of the Ancient Rus' state]. Leningrad: Leningrad University; 1945, 429 p.

15. Novikov, A. S. Obraz muzhchiny iz voenno-aristokraticheskoy sredy v otrazhenii letopisey Drevney Rusi (do XI v.): osobennosti, paralleli, analogii [The image of a man from a military-aristocratic environment in the reflection of the Ancient Rus' chronicles (before the 11th century): features, parallels, analogies]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya"* [Bulletin of the Tver State University. Series: History]. 2023, no. 1 (65), pp. 124–130. doi: 10.26456/vthistory/2023.1.124-130.

16. Novikov, A. S. Ot voyna-varvara k rytsaryu i feodalu – transformatsiya gendernoy modeli muzhchiny-aristokrata v Angliyskom korolevstve v XI–XIII vv. [From a barbarian warrior to a knight and a feudal lord – the transformation of the gender model of a male aristocrat in the English kingdom in the 11th–13th centuries]. *"Vyzov" v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost* ["Challenge" in the daily life of the population of Russia: history and modernity]. Ed. by V. A. Veremenko. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin; 2021, vol. 1, pp. 195–200.

17. Pashuto, V. T. Russko-polskie vzaimootnosheniya (s serediny XI v. do mongolskogo nashestiya) v svyazi s politikoy Germanskoy imperii [Russian-Polish relations (from the middle of the 11th century to the Mongol invasion) in connection with the policy of the German Empire]. *Mezhdunarodnye svyazi stran Tsentralnoy, Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Yevropy i slavyano-germanskoye otnosheniya* [International relations of the countries of Central, Eastern and South-Eastern Europe and Slavic-German relations]. Moscow: Nauka; 1968, pp. 15–27.

18. Pushkaryova, N. L. *Zhenshchiny Drevney Rusi* [Women of Ancient Rus']. Moscow: Mysl; 1989, 286 p.

19. Pushkaryova, N. L. *Chastnaya zhizn zhenshchiny v doindustrialnoy Rossii. X – nachalo XIX v. Nevesta, zhena, lyubovnitsa* [Private life of a woman in pre-industrial Russia. 10th – early 19th century. Bride, wife, concubine]. Moscow: Lodomir; 1997, 282 p.

20. Pushkaryova, N. L. *Chastnaya zhizn zhenshchiny v Drevney Rusi i Moskovii: nevesta, zhena, lyubovnitsa* [Private life of a woman in ancient Rus' and Muscovy: bride, wife, concubine]. Moscow: Lomonosov; 2022, 216 p.

21. Pushkaryova, N. L. *Zhenshchiny Drevney Rusi i Moskovskogo tsarstva X–XVII vv.* [Women of Ancient Rus' and Muscovy in the 10th–17th centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko's Publ.; 2017, 448 p.

22. Romanov, B. A. *Lyudi i nray Drevney Rusi* [People and folkways of Ancient Rus']. Moscow: Lomonosov; 2013, 224 p.

23. Snorri Sturluson. Saga ob Olave Tihom [The Saga of Olaf the Quiet]. *Krug Zemnoy = Heimskringla* [Earth Circle = Heimskringla]. Moscow: Nauka; 1980, pp. 464–467.

24. Sugerius. *Zhizn Lyudovika VI Tolstogo, korolya Frantsii (1108–1137)* [Life of Louis VI the Fat, King of France (1108–1137)]. Moscow: Staraya Basmanaya, Plusquamperfectum; 2006: 320 p.

25. Turilov, A. A. Obraz pravatelya v letopisnykh "nekrologakh" XI–XIII vekov [The image of the ruler in chronicle "obituaries" of the 11th–13th centuries]. *Anfologion. Slavyane i ih sosedi. Vlast, obshchestvo, kultura v slavyanskom mire v Srednie veka. K 70-letiyu B. N. Flori* [Anthologion. Slavs and their neighbors. Power, society, culture in the Slavic world in the Middle Ages. To the 70th anniversary of B. N. Flory]. Moscow: Indrik; 2008, pp. 195–209.

26. Shaskolskiy, I. P. Borba Novgoroda so Shvetsiyey pered Nevskoy bitvoy [The struggle between Novgorod and Sweden before the Battle of the Neva]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal* [Military History Journal]. 1940, no. 7, pp. 90–95.

27. Shaskolskiy, I. P. Em i Novgorod v XI–XIII vekakh [Tavastians and Novgorod in the XI–XIII centuries]. *Uchenye zapiski LGU* [Scientific notes of Leningrad State University]. 1941, no. 80, vol. 10, pp. 93–115.

28. Shaskolskiy, I. P. Sigtunskiy pokhod 1187 g. [Sigtun campaign of 1187]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. 1949, no. 29, pp. 13–163.

29. Shaskolskiy, I. P. Papskaya kuriya – glavnyy organizator krestonosnoy agressii 1240–1242 gg. protiv Rusi [Papal Curia – the main organizer of the crusader aggression against Rus' in 1240–1242]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. 1951, no. 37, pp. 169–188.

30. Duby, G. *William Marshal: The Flower of Chivalry*. New York: Pantheon Books; 1985, 153 p.

31. *Eadmeri Historia Novorum in Anglia, et opuscula duo de vita Sancti Anselmi et quibusdam miraculis ejus*. Ed. M. Rule. London: LONGMAN & Co; 1884, 454 p.

Информация об авторе

Новиков А. С. – аспирант.

Information about the author

Novikov A. S. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 07.08.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 07.08.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 30.09.2023.